

Было раннее февральское утро. Лучики солнца, отражаясь в заснеженных сугробах, слепили глаза, заставляя редких прохожих то и дело жмуриться. Как обычно накануне этого дня он долго не мог заснуть, поэтому, встав пораньше и выпив чашку крепкого кофе, пошел в цветочный магазин. Купив четное количество гвоздик, отправился на встречу с прошлым. Только в этот день он позволял вырваться воспоминаниям из крепких уз памяти. Они затягивали, мучили и не оставляли в покое...

В парке было пустынно, снег весело скрипел под ногами, разгоняя тишину. Его обогнали какие-то люди, но он не обратил на них внимания. Задумавшись, присел на лавку. Мучительно хотелось закурить, вдохнуть пья-нящий запах сигареты, словно лекарство, приносящее облегчение. Он взглянул на черный гранит «Вечная память ... погибшим в Афганистане...». Ирония судьбы: только став ветераном-афганцем, он наконец-то понял своего тестя-фронтовика, прошедшего Великую Отечественную. Разве можно рассказать о войне? Нет, только пережить...

...Валера Зубик родился и вырос в Латвии. Несмотря на то что он рос шалопаем, к выбору будущей профессии подошел ответственно, чем несказанно удивил и родных, и друзей. В то время как все мальчишки мечтали стать летчиками и моряками, Валерка хотел быть инженером. Поэтому, долго не раздумывая, поступил в Высшее военное авиационное инженерное училище, после окончания которого его направили в город Староконстантинов в 168-й истребительный ордена Суворова авиационный полк, имеющий героическое фронтовое прошлое, которым гордились все однополчане. Гордился и Валерий, впервые в жизни чувствуя особое духовное родство и единение с людьми, живущими теми же интересами, что и он. Очень скоро из техника группы обслуживания авиационного оборудования он дослужился до инженера полка, а в 86-м ему предложили поступать в адъютантуру. И вдруг новый приказ – полк перебрасывают в Афганистан...

...Он полной грудью вдохнул морозный воздух. Дураки! Глупо, бессмысленно рисковать... Наверное, так бы сказала о них сегодняшняя молодежь. Только вот они были совсем из другого теста. Во-первых, военные люди, и их учили воевать и побеждать. Ну, а во-вторых, они должны были принести ценности социализма в эту отсталую, в буквальном смысле слова феодальную страну. Все прекрасно понимали: если туда не войдут советские войска, то очень скоро там со своим вооружением окажутся американцы, а это уже непосредственная угроза Союзу. Так что они должны были защитить свою Родину...

...Вот так, практически в полном составе, ведь таких мальчишек, как Валерка, набралось немало, 168-й полк в августе 1987 года был перебазирован сначала в Туркменистан, а затем на аэродромы в Баграме, Кандагаре и Шинданте. После чего раздумывать стало некогда. Война, будто водоворот, втянула их в свои будни. Первой трудностью стала изнуряющая, вытягивающая все силы жара и бесконечный, незатихающий знойный ветер, и хотя со временем все они привыкли к этому, поначалу пришлось нелегко. А вот к чему нельзя было привыкнуть, так это к постоянным обстрелам. Когда их предшественники показали им узкую щель между бетонными аэродромными плитами, надежно обложенную мешками с песком, и сказали, что это самое лучшее укрытие на время обстрела, Валерка лениво подумал: «В такую жару дышать и так нечем. Вот еще спускаться под землю!». Но когда мир вокруг них вдруг разломило на части и солнечный день разорвался на миллионы мелких осколков, он, совершенно не понимая, что происходит, из последних сил преодолевая панику, вместе со всеми бежал к спасительной тени этого бесхитростного укрытия.

Еще ему постоянно хотелось обычного крепкого душистого чая или ароматного кофе. Местную воду им пить запрещалось, а на привозной они заваривали верблюжью колючку. При мысли о таком чае его сразу же начинало мутить, и во рту непроизвольно возникал терпкий, горьковатый привкус. Рефлекс, как у собаки Павлова! Напиток хоть и спасал от различных болезней, но набил изрядную оскомину...

...Тра-та-та, тра-та-та-та... Он так задумался, что и не заметил, как парк наполнился людьми. На соседней скамейке сидела мама с малышом. Весело скрипя снегом, мальчишка бегал туда-сюда, держа в руках ярко-желтый игрушечный самолетик.

«Тра-та-та! Мама смотри, как я ловко стреляю! Я всех врагов победил!» – прокричал малыш, делая рукой нехитрые пируэты...

...Самолеты МиГ-23МЛД, которые они обслуживали, были надежны, как скала. Валерка вообще придерживался собственной теории о том, что все самолеты – это живые организмы. Как люди – у каждого свой характер и свой нрав. Очень часто он с ними разговаривал, успокаивал, уговаривал или ругал их. Иногда они бурчали в ответ и были недовольны его вмешательством, но у них была одна цель – не подвести друг друга. Ребята даже придумали самолетам собственные знаки отличия. На их МиГ-23МЛД красовались гром и орел, а вот соседи раскрасили свой Су-25 страшными звериными клыками, а еще, как в фильме «В бой идут одни старики», рисовали звездочки. Одна звезда – десять боевых вылетов.

С первого дня пребывания в военном училище будущих пилотов учили, что основная задача истребителя – воздушный бой. У душманов самолетов не было, и в афганском небе истребителям не с кем было крутить смертельные карусели – летчикам приходилось работать по наземным целям. Они летали так, как никогда до этого не летали, ведь в условиях горной местности «взлет-посадка» делались с помощью крутой глиссады. Душманы боялись советских летчиков и даже не пытались это скрывать. Валерка с чувством профессиональной гордости вспомнил, как однажды летчики полка случайно накрыли руководителей нескольких бандформирований и как четко они при этом сработали, наделав среди бандитов немало шороху. Уже на следующий день повсюду валялись листовки с угрозами всему полку. Душманы обещали жестоко отомстить. Как они попали на тщательно охраняемую территорию аэродрома, было не понятно.

На аэродроме все время кипела жизнь. Например, Баграмский аэродром, построенный французами еще при монархии, был одним из лучших в Афганистане и занимал ключевое место на севере страны. В дни наиболее важных операций (Панджшерская и Магистраль) среднесуточное количество вылетов доходило до тысячи, и ответственность за их успех наряду с летчиками нес и Валерка со своими технарями; забыв про отдых, сон и еду, они отправляли в бой и ждали возвращения самолетов.

После того как были подбиты и сгорели два самолета ВВС Афганистана, стоявшие на открытых площадках, каждый самолет на аэродроме прятался в обвалования, между двумя высокими холмистыми насыпями: там он осматривался техниками, там же ремонтировался, оттуда же выруливал на взлет. Валерию, как старшему инженеру полка, приходилось мгновенно принимать правильные в той или иной ситуации решения.

Необходимо было точно знать, что можно требовать от людей и где граница возможностей техники. Даже на долю секунды он не позволял себе засомневаться в правильности своих действий или действий своих товарищей. В обязательном порядке следили они за тем, чтобы у летчика был аварийный запас (автомат и продовольствие) на случай катапультирования, учились быстрой смене вооружения, оснащали самолет необходимым боекомплектом и, конечно же, ликвидировали поломки. Война в Афганистане ввела свои законы и в, казалось бы, обычную работу техников самолета.

А еще здесь ему впервые удалось полетать и даже пилотировать боевой самолет, пускай даже летчик и был при этом рядом. В Союзе такого быть просто не могло! А дело было так. Душманы обстреляли самолет, в результате чего он срочно нуждался в ремонте, и Валерка был вынужден мотаться из Баграма в Шиндант и обратно, договариваться с тылом, доставать запчасти, решать вопросы ремонта самолета. Нужно было видеть лица техников в Шинданте – инженер-техник прилетел к ним на боевом самолете...

... «Мамочка, больно!». Он резко вздрогнул от крика малыша. Зацепившись за сугроб, мальчишка со всего размаху упал в снег. Молодая мама, сорвавшись со своего места, тотчас побежала к сыну. «Ну что ты, не плачь! Ничего страшного! Дай я подую, и все пройдет!», – успокаивающе шептала она. Сколько раз ему, взрослому мужику, так же нестерпимо хотелось крикнуть: «Мамочка, спаси!», и чтобы она прижала, обняла, подула на незаживающую рану в сердце...

...Валерка дрожал. Прошло столько времени, а он все никак не мог взять себя в руки. Сегодня они помогали вертолетчикам грузить груз «200». Все, что он знал, – это то, что погибло восемнадцать парней. Только разве можно было в той мешанине разобрать кто где... Несколько часов подряд они собирали их по частям. Когда все закончилось, кто-то из ребят сунул Валере стакан спирта. Он выпил залпом и ничего не почувствовал, только на сердце опустилась свинцовая тяжесть.

А сколько из них не выдерживало?! Каждый по-своему сражался с демонами. Кто-то

просился назад домой, кто-то терял голову и сходил с ума. Человек не должен жить в постоянном страхе, в ожидании, что в любую минуту может случиться что-то страшное и непоправимое. Беда окружала их плотным кольцом и приходила оттуда, откуда, казалось бы, не должна. До сих пор полк не мог успокоиться, после того как из соседнего с аэродромом кишлака, жители которого вроде бы уже привыкли к советским, был подбит заходящий на посадку самолет. Валерка вместе со всеми тревожно следил за тем, как по очереди из самолета выпрыгивали летчики. Один, два, три... пять... Как пять? Где же еще один? Но шестой член экипажа так и не смог вовремя выбраться из горящего самолета и погиб при столкновении с горой. Они потом нашли и подобрали его тело. Оно было изуродовано до неузнаваемости... Страх, что ты тоже мог оказаться в этом самолете или же не успеть спрятаться во время обстрела, лишал покоя...

Когда Валера вернулся домой, мама его не узнала. Она долго и пристально вглядывалась в родное лицо и приговаривала: «Ты или не ты?» Словно в фантастической книге, его жизнь, как и всех, кто вернулся оттуда, разделилась на «до» и «после»...

...Как давно это было! 15 февраля 1989 года. Почему же воспоминания об их уходе оттуда — до сих пор не дают ему покоя? Совестно... Ведь служившие с ними летчики-афганцы в глаза называли их предателями и с горечью констатировали тот факт, что они попросту бросают их на произвол судьбы. Грустно... от того, что все их усилия оказались напрасными и ненужными. Обидно и больно... за погубленные жизни и судьбы молодых ребят.

В руках давно уже потухла так и не докуренная сигарета, некоторое время он пристально рассматривал ее, пытаясь понять, когда это он успел закурить. Тяжело вздохнув, Валерий Леонидович Зубик встал и подошел к молчаливому гранитному монументу. На снег, словно капли крови, легли ярко-красные гвоздики.

Вслушиваясь в тишину мирного дня, он простился с прошлым. До следующего года...